

УДК 348:297

МУСЛИМ АБДУЛЖАБАРОВИЧ ЮНУСОВ,
 Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
 e-mail: imuslimus@gmail.com;
АХМЕД АБДУРАХМАНОВИЧ АБДУРАЗАКОВ,
 Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
 e-mail: abdurazakov1982@gmail.com

ДИНАМИКА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НОРМ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Реферат: в истории многих современных государств имеются примеры, когда каноническая норма выступала в качестве официально признаваемой и санкционируемой государством нормы, определяющей взаимоотношения между людьми. В настоящее время возможности религиозной догмы основаны на духовном авторитете, иррациональных методах принуждения. Религиозной догме необязательно получать статус светского закона для обладания правами социального регулятора.

В связи с этим представляет особый научный интерес ситуация, сложившаяся в мусульманских странах. Правовые системы данных государств в гораздо большей степени основаны на религиозной догме. Ислам не только требует принятия неких истин, но и навязывает целую совокупность предписаний, которые определяют как духовную, так и мирскую организацию всех мусульман. Все это обуславливает необходимость пристального изучения структуры мусульманского права.

В статье мусульманское право рассматривается как одна из форм позитивного права, вобравшая в себя специфические особенности культурной среды целого народа.

Ключевые слова: ислам, канонические догмы, шариат, мусульманское право, толкование права, нравственность.

MUSLIM ABDULZHABAROVICH YUNUSOV,
 Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation,
 e-mail: imuslimus@gmail.com;
AKHMED ABDURAKHMANOVICH ABDURAZAKOV,
 Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation,
 e-mail: abdurazakov1982@gmail.com

THE DYNAMICS OF CONVERSION OF ISLAMIC LAW AS A CONDITION OF FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE INDIVIDUAL

Abstract: in the history of many modern states there are examples when a canon acted as officially recognized and authorized by the state regulation determining relations between people. Now possibilities of religious dogma are based on the spiritual authority, irrational methods of coercion. A religious dogma need not receive the status of the secular law to be the social regulator.

In this connection the situation developed in the Muslim countries is of particular scientific interest. Systems of law in these states are much more based on religious dogmata. Islam not just requires acceptance of certain truths, but also imposes the whole set of instructions which determine both the spiritual and temporal organization of all Muslims. All this encourages scrutinized study of the structure of the Islamic law.

In the article the Islamic law is considered as one of the forms of positive law which incorporated specific features of the cultural environment or the whole nation.

Keywords: Islam, canonical dogmas, Sharia, Islamic law, interpretation of law, morality.

Исламская религиозная догматика пронизывает все сферы общественных отношений, ставя каноническую норму выше закона современных светских государств. Религиозные нормы не имеют политических границ. Опираясь на духовными ценностями и психологическим принуждением, детально (для канонической нормы) разработав правила организации мусуль-

манской общины, подчинив себе политические, правовые, социальные и духовно-нравственные сферы деятельности человека, ислам стал чем-то большим, чем религия. Как отметил профессор Л. Р. Сюкияйнен, «он всегда выступал и продолжает являться не только верой, но и образом жизни, самостоятельной культурой и цивилизацией... мусульманские мыслители подчеркивают, что ис-

© Юнусов М. А., Абдуразаков А. А., 2017

© Junusov M. A., Abdurazakov A. A., 2017

лам представляет собой одновременно и религию, и государство» [5, с. 5–6].

Глубокому изучению европейскими учеными подверглось мусульманское право в начале XIX века в связи с проводимой этими странами политикой колонизации ближневосточных мусульманских стран. Выдающийся российский исламовед Н. Е. Торнау отмечал, что европейские государства уже столкнулись с необходимостью тщательного и многостороннего исследования мусульманского права, «объемлющего сокровенный быт последователей ислама и составляющего основу их народной, общественной и домашней жизни» [9, с. 1]. В современном мире актуальность исследования мусульманского права обусловлена культурной интеграцией, глобализацией и социально-этническим смешиванием различных народов. Замкнутых, обособленных социальных анклавов становится все меньше, большинство государств вольно или невольно оказываются втянутыми в единое правовое пространство, где основное значение имеет единый закон международных политических институтов.

В отличие от права европейского образца мусульманское право в широком понимании данного термина включает в себя не только доктринально-нормативную часть, но и понятия справедливости, составляющие основу всего современного права, в том числе и социальных прав человека поддерживаемого всеми мировыми религиями [12, с. 12], включая ислам. В нем также закреплены нормы этикета, взаимоотношения между людьми и богом, другими словами, культура, религия, мораль и нравственность неразрывно вплетены в его структуру. Можно с определенной долей уверенности говорить, что развитие данной правовой системы пошло по иному пути, нежели право европейского образца.

Тезис о синкретизации правовых норм с религиозными и нравственными имеется и в работах Л. Р. Сюкияйнена: «Исследователи по-разному определяют мусульманское право, считают его отражением различных социальных явлений. Данное понятие используется как в юридическом, так и в широком смысле, рассматривается в качестве элемента религиозной или правовой системы либо включается в состав обеих систем одновременно» [6, с. 32]. Для определения сущности мусульманского права необходимо предварительно разобраться с такой его важнейшей составляющей, как шариат, и понять, что же понимается современными исследователями под данным термином. На уровне обывателя мнения относительно этого термина расходятся кардинально, многие мусульмане, в том числе и российские, утверждают, что шариат – это нерукотворные, божественные предписания, прописанные в Коране и Сунне, обязательные

для исполнения каждым верующим человеком, но, что интересно, в повседневной жизни, сами того не понимая, они руководствуются различными доктринально-нормативными предписаниями известных мусульманских правоведов или же продуктом вполне мирской интерпретации канонических догм, тем самым явно обозначая очевидное логическое противоречие.

По мнению исследователя Корана академика И. Ю. Крачковского, изучение и истолкование Корана необходимо производить в контексте определенной среды, определенного общества, а именно оседлой среды центра западной Аравии [13, с. 12]. П. Грязневич отмечает, что «многие проявления духовного мира людей родового общества древней Аравии оказались при этом навсегда утраченными... В большинстве своем они утрачены для понимания даже средневековых мусульман... Для его понимания недостаточно было и внутреннего ощущения языка» [13, с. 8]. Лишь немногие из мусульман владеют им, практические же знания большинства мусульман основаны на информации, получаемой в устной форме от проповедников различных толков и течений в исламе, основывающих свои учения на интерпретациях коранических сур. Получаемая в результате такого рода деятельности религиозная концепция преподносится обывателю под видом шариата, то есть божественных и незыблемых основ ислама, обязательных для исполнения каждым верующим.

В работе российского исследователя В. Н. Додонова также обращается внимание на неоднородность шариата: «С середины XI века мусульманское право стало практически правом той или иной школы» [1, с. 42]. Следует учесть, что В. Н. Додонов ставит знак равенства между понятиями «мусульманское право» и «шариат»: «Мусульманское право... составляет часть религии ислама, его нормативную сторону. В этом смысле понятие «мусульманское право» синонимично понятию „шариат“» [1, с. 42], то есть, по всей видимости, под шариатом понимается нормативная сторона мусульманского права. В данной работе шариат воспринимается уже как позитивное право различных современных мусульманских государств, одновременно теряя свою всеобъемлющую религиозную сущность.

Более приемлемой представляется точка зрения, согласно которой над мусульманским правом «как правовой системой стоит шариат, который выступает преимущественно в качестве религиозного феномена» [6, с. 138]. Здесь термин «шариат» понимается гораздо более обширно, синкретизируется с самой религией, вбирая в себя канонические нормы этикета, культовое понимание нравственности и духовности. Л. Р. Сюкияйнен полагает, что мусульманское право – это в целом юридический фе-

номен «именно в рамках фикха в значении всеобъемлющей системы указанных норм сложилось исламское право как юридическое явление» [7, с. 138]. На современном этапе можно говорить, что «за шариатом закрепилось значение тех обращенных к людям предписаний, которые являлись результатом божественного откровения и содержались в Коране и Сунне Пророка» [6, с. 32]. Данная позиция представляется более уместной.

С точки зрения религиозной догматики «божественное откровение» не может быть плодом людской фантазии, чтобы сохранить за нормами шариата предписываемый им статус закона, ниспосланного свыше, необходимо оградить их от вольного или позиционного толкования и от светского закона мусульманских государств. Это позволит последнему динамически развиваться в соответствии с требованиями времени, а канонической догме избежать неминуемого дробления, возникающего на фоне разделения мнений по вопросам понимания и толкования догмы.

К шариату следует относить только точно установленные и однозначно понимаемые положения Корана и Сунны, а аллегорическое толкование этих источников и применение рациональных методов формулирования правовых норм считать областью доктринально-нормативной части мусульманского права (фикха). «В основе данного утверждения находится идея о том, что положения шариата священны, безусловно обязательны, неизменны и лишены противоречий в отличие от выводов фикха, которые не гарантированы от ошибок, могут не совпадать в различных толках и изменяются» [6, с. 32].

В Коране его правовая значимость определяется следующим образом: «Итак, мы ниспослали его как судебник» [13, с. 210]. С точки зрения мусульман-правоведов, Коран считается важнейшим источником права. В доказательство этой позиции они приводят каноническую догму Корана: «Когда ты увидишь тех, кто погружается в пучину пустословия о наших знамениях, то отвернись от них» [13, с. 122]. Мусульманская религиозная догматика провозглашает, что учение, содержащееся в Коране, является окончательным, неизменным и обязательным для всех людей, где и когда бы они ни жили. Следовательно, независимо от того, сколько прошло времени и насколько сильно изменились привычки и образ жизни людей, принципы ислама – его нормы, ценности и предписания – неизменны, какими бы ни были преобладающие в обществе ценности или мнение большинства. По мусульманской доктрине мнение большинства и людские желания ничуть не способны изменить божественные принципы права, сделать правое неправым и наоборот, поскольку это есть прерогатива лишь

бога. В этом контексте можно согласиться с выводом А. Выгорницкого, что «в мусульманском кодексе юридические принципы, неразрывно связанные с религией, считаются неизменными» [6, с. 15].

Однако данная позиция неоднократно подвергалась критике со стороны ряда мусульманских правоведов, которые свою концепцию основывали на другом, противоречащем первому стиху Корана «...не бывало, чтобы посланник приводил знамения, иначе как с дозволения Аллаха. Для всякого предела (временного срока. – *Примеч. авт.*) – свое писание» [13, с. 211] или же «мы отменяем стих или заставляем его забыть, мы приводим лучший, чем он, или похожий на него» [13, с. 38], то есть данные нормы истолковываются как придающие нормам, содержащимся в хадисах, такую же юридическую силу, как и нормам Корана.

Коран и Сунна либо непосредственно содержат нормы права, либо предлагают пути их трактования из божественного откровения, так как сам Коран составлен на том арабском языке, который, как отметил И. Ю. Крачковский, «мы называем песенным, но он значительно затемнен при письменной фиксации» [2, с. 45]. Долгое время сохранялась возможность по-разному «озвучить» установленный текст, поскольку арабскому письму было свойственно не только отсутствие знаков, обозначающих гласные, но и многозначность некоторых букв, лишенных в наиболее старых копиях диакритических знаков, так что одна и та же буква могла быть по-разному прочитана.

Л. И. Климович в своей работе, посвященной изучению ислама, также обращает внимание на эту проблему: «Из-за несовершенства раннего хиджарского, или куфического, письма чтец мог придавать различный оттенок и даже разный смысл не только передаваемому на слух, но и прочитанному или усвоенному на слух и передаваемому им затем наизусть. К этому чтеца могли побуждать личный вкус, пристрастие и антипатия, политическая или религиозная ориентация близких ему людей. Принятое чтение затем оказывало влияние на последующее закрепление текста при проставлении в нем диакритических значков» [2, с. 45]. В силу этого в первые века ислама распространилось немало способов коранического чтения, и только в X в. их число сократилось до семи правомерных вариантов, различия между которыми были, в сущности, минимальными [8, с. 129].

Правовые нормы Корана подразделяются на две категории. К первой относятся те правовые нормы, в которых содержатся ясные указания на решение каких-либо судебных дел: о преступлениях, браке, наследстве, налогах, ведении военных действий и т. д. Ко второй, более обширной относятся те нормы, в которых имеются лишь косвенные указания по тому

или иному вопросу, хотя следует отметить, что и те и другие подвергаются процедуре интерпретации, прежде чем стать правовыми. По разным оценкам специалистов, к числу источников права относятся от нескольких десятков до нескольких сотен. По мнению профессора Л. Р. Сюкияйнена, в Коране 300 аятов (стихов), носящих преимущественно общий характер [14, с. 20].

Таким образом, краеугольным камнем религиозной догматики ислама является право на толкование его норм или иносказательного понимания. Этот раскол имеет давние корни, частично именно он привел к разделению мусульман на фундаменталистов, требующих неукоснительного соблюдения догмы Корана, и традиционалистов, призывающих к понятийному осмыслению и правовой интерпретации его норм [8, с. 131]. Большое количество коллизий, пробелов и лакунов, содержащихся в религиозных источниках, возможности достаточно вольной интерпретации канонических догм объясняют многообразие мнений и точек зрения на те или иные вопросы, связанные с исламом.

В качестве другой основополагающей группы религиозных источников мусульманского права рассматриваются нормы, содержащиеся в Сунне. Большинство данных норм возникло по частным случаям при решении Пророком конкретных конфликтов, оценке им отдельных фактов или в ответ на заданные ему вопросы. Преобладающая часть нормативных предписаний Сунны также имеет казуальное происхождение. По мусульманскому праву Сунна содержит высказывания, решения и действия Мухаммеда, а также высказывания и решения его сподвижников, одобренные им.

Хранителями и передатчиками хадисов первоначально были родственники, друзья, сподвижники и ученики Пророка, после смерти сподвижников их хадисы начали собирать непосредственные ученики, далее ученики учеников. В конце IX в. число хадисов превышало 600 тыс., а в шиитском – 1,5 млн [10, с. 10]. Такой позиции придерживаются многие российские исследователи, они полагают, что число хадисов «через два столетия после смерти Мухаммеда перевалило за миллион» [3, с. 82].

Следует отметить, что нет единого, обобщенного и общепризнанного сборника хадисов, как нет и единого сборника правовых норм, выведенных путем толкования стихов (аятов) Корана, поэтому их число, и скажем так, юридическая сила неоднозначны. Например, Л. Р. Сюкияйнен отмечает 500 хадисов имеющих значение в качестве правовых норм [14, с. 20]. Каждый хадис состоит из двух частей: из самого текста (матн), то есть собственно рассказа о том или ином поступке, об изречении или о молчаливом одобрении Мухаммеда, и перечня цепи передатчиков (иснад) с определением

степени достоверности хадиса. Эта мера предосторожности хоть в какой-то мере способствовала определению правдивости нормы религиозного установления, однако избежать достаточно большого количества противоречий в хадисах не удалось [4, с. 11].

По мнению известного исламоведа Р. Шарля, Пророк оставил слабо разработанные основы мусульманского права, поскольку в Коране и Сунне нет какой-либо исходной правовой теории. Французский исследователь справедливо обращает внимание на то, что в Коране установлены лишь исходные начала шариата [11, с. 11].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что нормы шариата, то есть чисто канонические догмы религиозных источников, не способны регламентировать все многообразие общественных отношений, так как их нормы противоречивы, не разработаны и не имеют строгой формы, присущей современному позитивному праву, что составляет широкие возможности для их интерпретации.

По мнению Р. Шарля, «характер исходного закона Корана как некоего раскрытия божественной истины, наслоение (а не смешение) мирского и духовного в этом мекканском евангелии являются преимуществом и одновременно недостатком мусульманского права. Законность любого договора или обязательства должна с того времени и впредь подчиняться моральным правилам... Правила эти, без сомнения, возвышенны, но стеснительны для эпохи капитализма. Непременность слова божия, так же как и его недостаточность, оказалась несчастной для правовой системы ислама» [11, с. 13].

Таким образом, не все правовые нормы мусульманского права основаны на системе чисто религиозных нормативных предписаний или канонических догматах. С религией прочно связано не более десятка религиозно-правовых норм, которые сравнительно точно сформулированы. Они отличаются от других норм мусульманского права, выведенных путем правотворческой деятельности мусульманских авторитетных правоведов, основанной на толковании религиозной догматики (иджтихада), тем, что, по существу, совпадают с нормой позитивного права практически полностью, а также с религиозным пониманием справедливости и нравственности большинства мусульман. Религиозные нормы мусульманского права, являющиеся основой шариата и имеющие «божественное значение», – это лишь малая доля мусульманского права. Большая часть мусульманского права – это продукт сознательной правотворческой деятельности правоведов, нацеленных на оптимальную регламентацию общественных отношений. Можно предположить, что в дальнейшем существующая тенденция сохранится и будет наблю-

даться существенная конвергенция мусульманских стран с одновременным отделением позитивного права, слияние правовых систем различного права от канонической догматики.

Список литературы

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть : монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М., 2009. 448 с.
2. Климович Л. И. Ислам. 2-е изд., доп. М., 1965. 333 с.
3. Оганесян С. С., Форре-Транзелева О. А. Тора, Новый завет и Коран – закон, правопорядок и законопослушание. М., 2011. 552 с.
4. Петровский А. В. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств : монография. Краснодар, 2013. 91 с.
5. Сюкияйнен Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий : монография. М., 2014. 212 с.
6. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986. 254 с.
7. Сюкияйнен Л. Р. О соотношении шариата, фикха и исламского права // Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал. М., 2007. Вып. 1.
8. Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама / пер. с фр. В. Бабинцева. Екатеринбург, 2006. 544 с.
9. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законоведения. М., 1850. 621 с.
10. Халиков А. Г. Хадис как источник мусульманского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1995. 33 с.
11. Шарль Р. Мусульманское право / пер. с фр. С. И. Волка ; под ред. и предисл. Е. А. Беляева. М., 1959.
12. Юнусов С. А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве: вопросы теории : монография. Рязань, 2014. 265 с.
13. Коран / пер. с араб. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 511 с.
14. Хидоя. Комментарии мусульманского права : в 2 ч. : пер. с англ. / под ред. Н. И. Гродекова; отв. ред., предисл., вступ. ст. и науч. коммент. А. Х. Саидова. М., 2008. Ч. 1. Т. 1–2. 807 с.

References

1. Dodonov V. N. Sravnitel'noe ugovnoe pravo. Obshhaja chast' [Comparative criminal law. General part]. Under the general and scientific editorship of S. P. Shherba. Moscow, 2009. 448 p.
2. Klimovich L. I. Islam [Islam]. 2nd enlarged edition. Moscow, 1965. 333 p.
3. Oganessian S. S., Forre-Tranzeleva O. A. Tora, Novyj zavet i Koran – zakon, pravoporjadok i zakonoposlushanie [A Torah, the New testament and the Koran – the law, law and order and law-abiding]. Moscow, 2011. 552 p.
4. Petrovskij A. V. Musul'manskoe ugovnoe pravo i osobennosti ugovnogo zakonodatel'stva musul'manskikh gosudarstv [Islamic criminal law and features of the penal legislation of the Muslim states]. Krasnodar, 2013. 91 p.
5. Sjukijajnen L. R. Islam i prava cheloveka v dialoge kul'tur i religij [Islam and human rights in dialogue of cultures and religions]. Moscow, 2014. 212 p.
6. Sjukijajnen L. R. Musul'manskoe pravo. Voprosy teorii i praktiki [Islamic law. Questions of the theory and practice]. Moscow, 1986. 254 p.
7. Sjukijajnen L. R. O sootnoshenii shariata, fikha i islamskogo prava [About a ratio of Sharia, fiqh and the Islamic right]. Islamskoe pravo: vzaimodejstvie juridicheskogo i religioznogo nachal [Islamic right: legal and religious began interaction]. Moscow, 2007. Vol. 1.
8. Surdel' D., Surdel' Zh. Civilizacija klassicheskogo islama [Civilization of classical Islam]. Translated from French of V. Babincev. Ekaterinburg, 2006. 544 p.
9. Tornau N. Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedenija [Statement of the beginnings of Muslim jurisprudence]. Moscow, 1991.
10. Halikov A. G. Hadis kak istochnik musul'manskogo prava. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Hadith as source of the Islamic law. Cand. legal sci. diss. abstract]. Dushanbe, 1995.
11. Charl' R. Musul'manskoe pravo [Islamic law]. Translated from French of S. I. Volk. Under the editorship and with a preface E. A. Beljaev. Moscow, 1959.
12. Junusov S. A. Princip spravedlivosti v ugovno-ispolnitel'nom prave: voprosy teorii [A concept of justice in the criminal and executive right: theory questions]. Ryazan, 2014. 265 p.

13. Koran [Koran]. Translated from Arabic of I. Ju. Krachkovskii. Moscow, 1990. 511 p.

14. Hidoja. Kommentarii Musul'manskogo prava [Hidoje. Comments of Muslim law]. In 2 parts. Translated from English. Under the editorship of N. I. Grodekov. Executive editor, Preface, introductory article and scientific review A. H. Saidov. Moscow, 2008, part 1, vol. 1–2. 807 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юнусов Муслим Абдулжабарович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: imuslimus@gmail.com;

Абдуразаков Ахмед Абдурахманович – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: abdurazakov1982@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yunusov Muslim A. – phd in law, associate professor, civil law and process department, of Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation, e-mail: tanjukha@mail.ru;

Abdurazakov Akhmed A. – adjunct theory of state and law, international and european law department of Academy of the FPS of Russia, Ryazan, the Russian Federation, e-mail: abdurazakov1982@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Юнусов, М. А. Динамика преобразования норм мусульманского права как условие формирования правосознания личности / М. А. Юнусов, А. А. Абдуразаков // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 60–65.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Yunusov M. A., Abdurazakov A. A. Dinamika preobrazovanija norm musul'manskogo prava kak uslovie formirovanija pravosoznaniija lichnosti [The dynamics of conversion of islamic law as a condition of formation of legal consciousness of the individual]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 60–65.